

А. Д. Пантелеев
Санкт-Петербургский государственный университет
Р. М. Мазаев
Санкт-Петербургский государственный университет

АПОЛОГЕТИКА ТАТИАНА АССИРИЙЦА

В статье рассматривается апологетическое наследие христианского автора II века – Татиана Ассирийца, его «Слово к эллинам». Особое внимание уделяется проблеме соотношения понятий «эллинство» и «варварство», взглядам апологета на языческую греко-римскую культуру. Преподнесение черт эллинской культуры в «Слове» подчиненно апологетическим целям Татиана. Так же анализируются догматические взгляды апологета и возможные влияния на них.

Ключевые слова: Татиан Ассириец, христианская апологетика, раннее христианство, античная философия, патристика, патрология.

A. D. Panteleev
Saint Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)
R. M. Mazaev
Saint Petersburg State University
(Saint-Petersburg, Russia)

APOLOGETICS OF TATIAN THE ASSYRIAN

The article deals with the apologetic heritage of the Christian author of the second century Tatian the Assyrian – his "Word to the Greeks". The authors pay particular attention to the relations between the concepts "Hellenism" and "Barbarism", apologist's views on pagan Greco-Roman culture. Presenting the features of Hellenic culture in the "Word" is subordinated to the apologetic goals of Tatian. The dogmatic views of the apologist and possible influences on them are also analysed.

Keywords: Tatian the Assyrian, Christian apologetics, early Christianity, ancient philosophy, Patristics, Patrology.

DOI 10.22405/2304-4772-2018-2-3-67-75

Апологетика как жанр раннехристианской письменности является предметом повышенного интереса среди исследователей в последние 30-40 лет, причиной чему служит пересмотр ряда вопросов: аудитории и функции апологий, соотношения эллинистической и христианской культуры в апологиях. Последняя проблема весьма ярко раскрывается в творчестве Татиана Ассирийца, чье отношение к эллинской культуре является предметом большого количества современных исследований (Эльце [16], Барнард [11], Хант [13], Йегер [3], а так же отечественных, принадлежащих Афиногенову [2] и Приходько [6]). Взгляд Татиана на соотношение «эллинской» и «варварской» (под ней он понимает христианство и его истоки) культур является, на первый взгляд, специфической в ряду прочих христианских апологетов II века, однако, на самом деле выполняет ту же функцию – конструирует христианскую

идентичность. Для рассмотрения этой проблемы мы так же обратимся к общим догматическим воззрениям Татиана и проблеме влияний на них.

Родился Татиан около 120 г. в Сирии, вероятно, в сирийской (этнически) семье (Clem. Alex. Strom., 3, 12, 81; Eriph. Panar., 46, 1), получил хорошее образование, видимо, в главном городе провинции – Антиохии, а затем отправился в путешествие по территории Римской империи [7, с. 383]. Сам Татиан говорит, что во время своего путешествия, он получил славу известного софиста (Tat. Orat., 35) и успел приобщиться к разнообразным религиозным культам, но затем, познакомившись с книгами пророков, он перешел в христианство (29). Кроме предсказаний о будущем, возвышенного нравственного учения и концепции единого Бога, содержащихся в Библейский книгах, вероятно, на его обращение повлияла деятельность Иустина Мученика, учеником которого стал Татиан (Iren. Adv. Haer., I, 28, 2; Euseb. Hist. eccl., IV, 29, 2). Хотя прямо об участии Иустина в своем обращении, Татиан не говорит.

Будучи членом катехизаторской школы Иустина, Татиан так же принимал активное участие в полемике с философами. В частности, он упоминает полемику с Кресцентом, сильно очерняя его образ (Tat. Orat., 19). Влияние Иустина заметно в апологии Татиана как в догматических представлениях (ср. Iust. Martyr. I Apol., 22-23; Tat. Orat., 5), так и в апологетической аргументации (ср. Iust. Martyr. I Apol., 4-5; 7; 16; Tat. Orat., 4), хотя, конечно, во многих моментах Татиан со своим учителем расходится, особенно это заметно в отношении его к эллинской культуре (ср. Iust. Martyr. II Apol., 10; Tat. Orat., 1).

После смерти Иустина, Татиан, вероятно, стал главой школы своего учителя или создал свою, наиболее известным из его учеников был ересиолог Родон, чьи сообщения о Татиане сохранил Евсевий (Euseb. Hist. eccl., V, 13). Однако около 169 г. Татиан прекращает общение с римской церковью и отправляется в Сирию, куда прибывает около 172 г. Там он становится членом, а может быть и лидером, секты энкратитов, выделяющихся своим аскетизмом, отрицанием брака, учением об эонах и о не спасении Адама (Iren. Adv. Haer., I, 28, 1). Умер Татиан, по-видимому, там же около 185 г. [7, с. 382-387; 8, с. 112-113].

Наиболее значительным его произведением является апологетическая «Речь против эллинов», написанная между 161-172 гг., но всего вероятнее в 169-171 гг. Нет единого мнения о том, было ли оно первоначально предназначено для публичного прочтения. Указание на письменный характер изложения в сочинении (Tat. Orat., 41-42), да и само положение христиан в правление Марка Аврелия, когда публичное выступление с подобной речью вызвало бы очередную вспышку преследований, говорят в пользу взгляда на «Речь» как на изначально письменное произведение [7, с. 391-394; 8, с. 113].

Ещё один труд Татиана, это «гармония» Евангелий – Диатессарон, написанный на основе Евангелия от Матфея, в котором удалены ряд элементов говорящих о человеческой природе Иисуса Христа, например, его родословная от Давида. Вероятно, Диатессарон являлся первым переводом Евангелия на

сирийский язык, это объясняет факт использования Диатессарона в качестве богослужебной книги в ряде сирийских общин и в V в., что не было бы возможно, если бы Пешитто, сирийский перевод четырех Евангелий, появилось ранее Диатессарона [4, с. 100-101; 7, с. 402-406]. Татиану так же приписывается ряд других сочинений, как то «О животных», «О Демонах», «О говоривших о богословии», комментарии на ап. Павла, «О жизни согласной учению Спасителя», но эти произведения если и существовали, то не дошли до нас даже в отрывках [8, с. 115].

Бог у Татиана подчеркнуто трансцендентен по отношению к материальному миру. Это выражается в различении божественного духа – субстанции Бога (13), который соприкасается с материей лишь в человеке, и вещественного духа – витальной основы всего материального мира, о котором говорят стойки, не понявшие его низкой природы (12). Творение мира посредством Логоса состоит из двух актов: творение материи и преобразование ее по подобию вечно существующей в Боге идеи мира (5; 12). В ряде мест Татиан говорит о материи как о тьме (13).

Ангелы, как и люди, сотворены бессмертными (7). Но часть ангелов отклонилась от Бога, к этому склонили они и людей, что стало причинной грехопадения, которое мыслится как обретение материальной природы – падение душ (20). Это, а так же деление людей на классы: обладающих духом и душевных (15), вероятно, указывает на ряд гностических представлений Татиана, которые имели место уже в момент написания апологии [7, с. 120]. Демоны, коими стали падшие ангелы, состоят из элементов огня и воздуха и могут быть видимы или человеком «духовным», или по собственному желанию демона (15). Этим объясняется существование языческих культов и идолов, созданных по демоническому внушению (16).

В антропологии Татиан придерживается трихотомических воззрений. Человек состоит из материального тела и души (материального духа), которые по своей природе злы, и божественного духа, который сохранился в человеке при грехопадении (13; 15). Причастность души к божественному духу дает возможность душе сохраниться после распада тела (14). Но спасение возможно лишь при ведении аскетической жизни и «смерти для мира» (11), следствием подвижничества является становление тела храмом божьим (15).

Наиболее вероятным является влияние гностических представлений на Татиана в этой области, что подтверждается фактом его перехода в секту энкратитов [Там же, с. 119-120]. Однако это представления могло, но с меньшей долей вероятности, быть формой его собственного истолкования библейской (Быт. 2:7; 1 Кор. 6:15-19) [10], стоической (Cic. de off., I, 101 – где Цицерон излагает взгляд Панэция [1, с. 406; 9]) или платонической (Albin. Didasc., 26-28) антропологии; так же представление Татиана могло быть связано с трихотомической антропологией его учителя (Iust. Martyr. Dial., 6).

Татиан приводит доказательство возможности воскрешения в теле. Состоит оно в том, что до рождения человек телом не обладает, а это значит, что Бог творит его тело, следовательно, ничего нет невозможного в том, чтобы

сохранившаяся после смерти душа, посредством духа (14), была наделена Богом новым телом (6).

Позиция Татиана в отношении государственной власти близка к позиции Иустина, христиане представляются несправедливо гонимыми. Но форма апологии – обращение к языческим массам, а не к императору (имеем в виду стилизацию апологий, которая должна была влиять на характер изложения), а так же, возможно, сам характер личности Татиана, повлияли на ещё более резкий, чем у Иустина, тон апологии. Татиан прямо заявляет, что религиозное почитание императора есть неблагодарность перед Богом (Tat. Orat., 4). Однако это может быть связано не столько с отношением Татиана к самому императору, сколько к его культуре. Клятва и приношение жертвы являлись частью процесса дознания по отношению к христианам (Euseb. Hist. eccl., IV, 15, 20) [5, с. 97-102].

Участие в общественной жизни Татиан рассматривает как деятельность, основанную на низменных страстях, войну связывает с демоническими происками (Tat. Orat., 19). Этим Татиан ставит себя, в определенной мере, в оппозицию к обществу и государственности Римской империи. Татиан обосновывает право на неучастие христиан в культах не только указанием на различие в объектах почитания языческих культов, но и на терпимость, проявляемую к атеистам (27). Это должно было оправдать христиан даже в том случае, если их приверженность к «истинному» Богу не принималась бы во внимание и приравнивалась бы к атеизму. Однако пример приводимый Татианом противоречив, он сам указывает на изгнание Диагора за критику мистериальных культов, но при этом ссылается на терпимость к его оставшимся трудам.

Социальный состав христианских общин, якобы состоящих из одних вдов и детей, являлся одним из пунктов критики со стороны язычников (Min Felix. Oct., 8; Luc. De Mort. Per., 12; Orig. Contr. Cels., III, 43-55). Большое количество малолетних и женщин в составе общин христиан Татиан не отрицает, но ссылается на то, что сами язычники зачастую почитают женщин в мифологических образах, а так же создают их изваяния. Причем Татиан называет в основном скульптуры гетер (Tat. Orat., 33-34), что посредством контраста должно было подчеркивать нравственность христианских женщин (33). Относительно малолетних, приводятся примеры молодости героев Троянского эпического цикла: Ахиллеса, Филоктета и Неоптолема, которые совершали свои деяния в юном возрасте (32).

Важное место в аргументации занимает противопоставление «эллинства» и «варварства», которое может представляться то, как противопоставление этнокультурное (1), то как религиозное – язычества и христианства (29; 30-31), а также как противопоставление двух философских школ – христианской и варварской, мыслящихся как две цельные школы (35; 42). Принимаемое значение, конечно, зависит от конкретных целей Татиана. Например, когда требуется опровергнуть обвинения в том, что христианство религия новая и не «национальная», то христианство позиционируется как

часть цельной культуры варваров (29; 30-31). Когда требуется показать неприглядную сторону одного из варварских народов, то Татиан с легкостью отличает нравы персов от нравов христиан, находившихся до того в общих рамках «варварства» (28) [2, с. 81-88].

Культура эллинов, указывает Татиан, представляет собой совокупность заимствований у варварских народов, как-то: письмо, перенятое у финикийцев, обычай гадания по птицам от исаврийцев и так далее (1). Но при этом Татиан приводит как заимствования греков, так и заимствования италиков (перенятие пластики из Тосканы – Этрурии), а так же мифологические сюжеты об «культурных героях» (Марсий, Олимп, Орфей). Это, вероятно, должно было дать Татиану возможность привести больше примеров заимствований, но это же явно демонстрирует указанное выше чрезвычайно вольное применения концепций «эллинизма» и «варварства».

Кроме того, что все ценное в культуре эллинов представлено заимствованными достижениями варваров, она имеет совершенно безнравственный характер, обретенный в связи с влиянием демонов (19). Так Татиан в качестве примера приводит кровопролитные гладиаторские бои. Апологет осуждает как деятельность самих бойцов, лишаящих друг друга жизни, и организаторов, зарабатывающих на этом деньги и получающих почет, так и зрителей этих злодейских действий (23). Так же упомянуты театральные представления, которые являются совершенно глупыми и, более того, учащими безнравственному поведению зрелищами (22; 24). А искусство, в частности скульптура, есть не что иное, как прославление наиболее падших в моральном плане личностей (33-34).

Философы, мудрецы и поэты эллинов так же порочны, это обжоры, гордецы, лжецы, которые находятся в постоянных спорах между собой (2; 19; 22). Истину они могли изрекать лишь в случае повторения ими слов пророков. Для доказательства этой зависимости, Татиан приводит расчет, по которому выходит, что Моисей жил за четыреста лет до «исторического рубежа» эллинской культуры – Троянской войны (36-41).

В целом эта концепция не кардинально отличается от концепции учителя Татиана. Ведь, по мнению Иустина, поэты и философы могли противоречить Логосу, находясь под влиянием демонов (Iust. Martyr. I Apol., 23; II Apol., 7), да и истинными признавались лишь те учения языческих мудрецов, которые были согласны с христианской догматикой (Iust. Martyr. II Apol., 7; 13; Dial., 4; 5; 141). К тому же Иустин указывал, что фактически истина этих учений принадлежат христианам, а не язычникам (Iust. Martyr. II Apol., 13). Вероятно, что в данном случае Татиан просто стремится указать не сходство, а отличие христианства от эллинской мудрости [2, с. 82; 12, с. 85]. Этот факт вкупе с чрезвычайно вольным использованием противопоставления «эллинизма» и «варварства», говорит против широко распространенного взгляда на Татиана как на «озлобленного варвара» [8, с. 116]. Тем более он исключает наличие некой «расовой вражды», о которой в духе своего времени говорит Сагарда [7, с. 383].

Осуждение и разоблачение Татианом эллинской культуры является попыткой демонстрации превосходства христианства над языческим миром. Она была нужна для воздействия на самих христиан, особенно находящихся ещё на пороге входа в общину или близких к отпадению. Татиану было важно показать, насколько христиане превосходят представителей языческого общества [14, с. 71]. Так же, возможно, имело место стремление убедить язычников в том, что христианство, хотя бы уже из факта своей древности, имеет право на существование [15, с. 23-27].

Апология содержит пример типичной критики языческой религии. Татиан указывает на несоответствие тварных идолов и безнравственных антропоморфных божеств статусу истинного Бога (Tat. Orat., 8-10). Однако Татиан приводит несколько новых положений, которые основываются на его демонологии. Так представление язычников о том, что поклонение идолам имеет смысл, поскольку идолы представляют собой символы божества или же вместилища языческих демонов [7, с. 276], Татиан отчасти признает истинным, но указывает, что в действительности идолы являются знаками злых демонов (17).

В связи с этим все чудеса, которые связаны с языческими религиозными культурами: астрологией, медициной (медицина имела религиозный аспект, исцеления зачастую представлялись как чудеса, совершаемые языческими божествами (Suet. Vesp., 7; Orig. Contr. Cels., III, 24; Marin. Vita Procli, 7)), есть или же проявления божественного Провидения, которое Бог по своей доброте оказывает даже язычникам, или же, в сущности, не являются чудесами, а есть действия злых демонов (16; 18; 19). Этими «чудесами» демоны пытаются привести человека к греху, таковы, например, изречения оракулов об обретении богатства, поощряющие корыстолюбие (19).

Так же Татиан критикует концепцию предопределения, то есть веру в судьбу. По мнению апологета, эта вера вселяется демонами для того, чтобы скрыть божественное Проведение (9). Причем, после смерти души людей (за исключением душ праведников, спасенных божественным духом (Tat. Orat., 15), ещё при жизни подверженные демоническим влияниям, оказываются в полном подчинении демонов (16). Этим Татиан, с одной стороны, объясняет природу некромантии, которая есть не что иное, как действие демонов, а с другой, опровергает веру в переселение душ – метемпсихоз.

В заключение следует указать, что воззрения Татиана весьма специфичны, с одной стороны, по причине своей риторической заостренности, с другой, в связи с рядом разнообразных влияний. Отношение апологета к эллинской культуре является сложным и неоднозначным, но в первую очередь подчиненным целям Татиана – формированию христианской идентичности. Так же Татиан вводит ряд новых апологетических приемов и топосов, которые в последствие получают свое развитие в трудах позднейших апологетов – Афинагора Афинского и александрийцев.

Литература

1. Асмус А. Ф. История античной философии. М.: Высш. школа, 2005. 406 с.
2. Афиногенов Д. Е. Татиан и его «Слово к эллинам» в историческом контексте // Раннехристианские апологеты II–IV веков: переводы и исследования. М. Ладомир, 2000. С. 80-93.
3. Йегер В. Пайдейя. Воспитание античного грека. Т. I / пер. с нем. А. И. Любжина. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2001. 594 с.
4. Керн К. Э. (архим. Киприан). Патрология : лекции. Т. I. Париж: Изд. Свято-Сергиев. богослов. ин-та, 1996. 140 с.
5. Пантелеев А. Д. Гонения на христиан и императорский культ по данным агиографической традиции // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. № 3. С. 91-104.
6. Приходько М. А. Апологетика Иустина Философа и Татиана Ассирийца как опыт самосознания христианской культуры: дисс. ... канд. филос. наук. СПб.: СПбГУ, 2014. 137 с.
7. Сагарда Н. И., Сагарда А. И. Полный корпус лекций по патрологии. СПб.: Воскресенье, 2004. 1216 с.
8. Сидоров А. И. Курс патрологии. Возникновение церковной письменности. М.: Русские огни, 1996. 191 с.
9. Столяров А. А. Панэций // Античная философия : энцикл. словарь / под ред. П. П. Гайдено. М.: Прогресс-Традиция, 2008. С. 539-542.
10. Тайван Л. Л. Антропология // Православная энциклопедия. Т. 2. М.: Православная энциклопедия, 2008. С. 700-709.
11. Barnard L. W. The Heresy of Tatian - Once Again // Архив научных журналов: сайт. 2013-2018. URL: <http://arch.neicon.ru/xmlui/handle/123456789/1021286> (дата обращения: 28.07.2018).
12. Young F. Greek Apologists of the Second Century // Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews, and Christians. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 81-105.
13. Hunt E. J. Christianity in the Second Century. The Case of Tatian. London: Routledge, 2003. 253 p.
14. Falkenberg R. Tatian // Early Christianity in the Context of Antiquity: In Defence of Christianity. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2014. P. 67-81.
15. Fojtik J. E. Tatian the Barbarian // Early Christianity in the Context of Antiquity: Continuity and Discontinuity in Early Christian Apologetics. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2009. P. 23-35.
16. Elze M. Tatian und seine Theologie. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 1960. 137 p.

References

1. Asmus A. F. Istoriya antichnoy filosofii [History of ancient philosophy]. Moscow: Vyssh. shkola, 2005. 406 p.
2. Afinogenov D. E. Tatian i yego «Slovo k ellinam» v istoricheskom kontekste [Tatian and his 'Word to the Greeks' in the historical context] // Rannekhristianskiye apologety II–IV vekov: perevody i issledovaniya [Early

Christian apologists of the 2nd-4th centuries: translations and research]. Moscow. Ladomir, 2000. P. 80-93.

3. Jaeger W. Paydeyya. Vospitaniye antichnogo greka [Paideia. Education of the ancient Greek]. Vol. 1 / trans. from German by A. I. Lyubzhin. Moscow: Greko-latinskiy kabinet Yu.A. Shichalina [Greco-Latin office of Yu. A. Shichalin, 2001. 594 p.

4. Kern K. E. (Archim. Cyprian). Patrologiya [Patrology]: lectures. Vol. I. Paris: Izd. Svyato-Sergiyev. bogoslov. in-ta, 1996. 140 p.

5. Panteleev A. D. Goneniya na khristian i imperatorskiy kul't po dannym agiograficheskoy traditsii [Persecutions of Christians and the imperial cult according to the hagiographic tradition] // Problemy istorii, filologii, kul'tury [Issues of history, philology, culture]. 2015. No. 3. P. 91-104.

6. Prikhod'ko M. A. Apologetika Iustina Filosofa i Tatiana Assiriysa kak opyt samosoznaniya khristianskoy kul'tury [Apologetics of Justin the Philosopher and Tatiana the Assyrian as an experience of self-awareness of Christian culture]: diss. ... kand. filos. nauk [Thes. ... Cand. Philos. Sciences]. Saint-Petersburg: SPbGU, 2014. 137 p.

7. Sagarda N.I., Sagarda A. I. Polnyy korpus lektsiy po patrologii [The complete corpus of lectures in Patrology]. Saint-Petersburg: Voskresen'ye, 2004. 1216 p.

8. Sidorov A. I. Kurs patrologii. Vozniknoveniye tserkovnoy pis'mennosti [Patrology Course. The emergence of Church written language]. Moscow: Russkiye ogni, 1996. 191 p.

9. Stolyarov A. A. Panetsiy [Panaetius] // Antichnaya filosofiya [Ancient Philosophy]: Encyc. Dictionary / ed. by P.P. Gaydenko. Moscow: Progress-Traditsiya, 2008. P. 539-542.

10. Taivan L. L. Antropologiya [Anthropology] // Pravoslavnaya entsiklopediya [Orthodox Encyclopedia]. Vol. 2. Moscow: Pravoslavnaya entsiklopediya, 2008. P. 700-709.

11. Barnard L. W. The Heresy of Tatian – Once Again // Архив научных журналов: site. 2013-2018. URL: <http://arch.neicon.ru/xmlui/handle/123456789/1021286> (reference date: 28.07.2018).

12. Young F. Greek Apologists of the Second Century // Apologetics in the Roman Empire: Pagans, Jews, and Christians. Oxford: Oxford University Press, 1998. P. 81-105.

13. Hunt E. J. Christianity in the Second Century. The Case of Tatian. London: Routledge, 2003. 253 p.

14. Falkenberg R. Tatian // Early Christianity in the Context of Antiquity: In Defence of Christianity. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2014. P. 67-81.

15. Fojtik J. E. Tatian the Barbarian // Early Christianity in the Context of Antiquity: Continuity and Discontinuity in Early Christian Apologetics. Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2009. P. 23-35.

16. Elze M. Tatian und seine Theologie. Gottingen: Vandenhoeck & Ruprecht. 1960. 137 p.

Статья поступила в редакцию 10.08.2018

Статья допущена к публикации 30.09.2018

The article was received by the editorial staff 10.08.2018

The article is approved for publication 30.09.2018